

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Журнал и сценарий (прил. к Сов. культуре) - 1990 - 29 нояб. (№ 48) - с. 16

Эдуард Кочергин часто появляется на сцене — прежде всего Ленинградского БДТ, куда еще в 1972 году был приглашен Георгием Товстоноговым на пост главного художника. Он автор сценографии таких товстоноговских спектаклей, как «История лошади», «Тихий Дон», «Дядя Ваня». Постоянно работает с Львом Додиним: «Братья и сестры», «Кроткая», «Господа Головлёвы» (сейчас они ставят «Бесов» Достоевского). Потребность в искусстве Кочергина испытывали в разное время Ю. Любимов и Г. Яновская, Б. Равенских и К. Гинкас, И. Унгурияну и С. Юрский. Почему режиссеры зовут Кочергина? Потому, вероятно, что читает пьесу «вглубь», тонко чувствует не только автора, но и свое время, интересен и неожидан в образном решении, выдвигает крупные театральные идеи и остроумную программу их реализации, обладает абсолютным вкусом.

Но нельзя стать выдающимся сценографом, имея только театральные достоинства. Кочергин прежде всего художник современный. А это значит, что, работая на пользу спектакля, он решает каждый раз новые, собственно художественные задачи — образные, цвето-пластические, композиционные. «Свои дела», — как любит говорить Кочергин.

Выставка — это как раз про «свои дела». Конечно же, здесь опосредованно присутствует театр — авторы, режиссеры, исполнители. Но главный герой, главный артист здесь — художник. Говорят, выставка — это праздник. Возможно. Но и очень жесткая проверка на долговечность, истинность, на искусство. Сценограф оказывается один на один с публикой. Что же сказал ей Кочергин в этой ситуации?

Он сказал, что сценография — это серьезное современное искусство, способное быть философичным и достигать самоценности.

Он признался, что более всего любит русское крестьянское искусство и высокую классику.

Он убедил, что ему знакомо совершенство.

А спектакль своей выставочный Кочергин поставил пре-

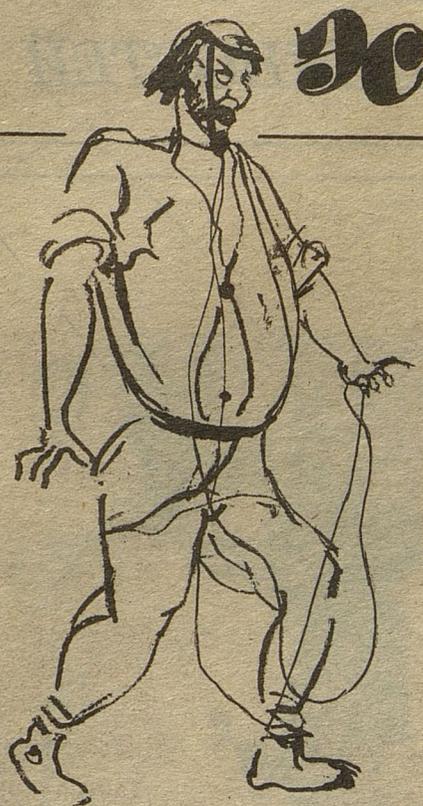
Что сказал Кочергин

Выставка — как спектакль. Художником сочиненный, им же и сыгранный. Выставка разворачивается во времени, у нее есть свой сюжет, она в конце концов создает образ автора, его искусства, его жизни. Тем более выставка театрального художника.

восходно. Кроме тонких и точных эскизов декораций и костюмов, энергичных рисунков, кроме изысканных макетов (вспоминаются набоковские строки из «Дара»: в удачно решенной задаче «есть почти телесная приятность, щекочущее ощущение ладности»), он выставил на высоких шестах две группы масок — из «Парижан-москвитян» (1969 г.) и «Трех сестер» (1981 г.). Ряженные, мелькнувший эпизод, но как сделано! Зачем они? А затем, что сразу делают Театр, причем именно тот, от которого идет в своей философии Кочергин, — народный, ритуальный, вечный. Маски из раннего спектакля (туповато-изящный лик Осли, из глаза которого течет узенькая лента печали) стоят в зале, который автор называет «Цари». И правда: дипломный спектакль «Царь Максимилиан», эскиз общей установки и костюмов к трилогии А. К. Толстого, «Генрих IV» Пиранделло. И ставший классикой нашей сценографии макет к пушкинскому «Борису Годунову». Кочергин позесил здесь фрагмент натуральной декорации: неровные, наслаивающиеся языки из мешковины, похожие на лемехи. От каждого — веревка с медным колокольцем. В зале пахнет рогожей. В колокольчик можно позвонить. Перед стенкой-занавесом — костюм Юродивого из той же мешковины, распятый на березовом кресте (только колокольцы на нем совсем маленькие). А фокус в том, что в мешковинной стенке есть единственный проблеск: в грубой ткани посверкивает маленький кусочек старинного золотого шитья. Крошечный, он высвечивает все каким-то новым светом. О, какой же хитрый мастер этот Кочергин!

Выставка предъявила зрителю изящно расчисленные интуиции художника. Понятие это как-то выпало сегодня из критического обихода. Эдуард Кочергин заставляет вернуть его.

Алла МИХАЙЛОВА.

● «История лошади». Инсценировка М. Розовского по повести Л. Толстого «Холстомер». Холстомер. Эскиз костюма (1975 г.).

● И. Друцэ. «Возвращение на круги своя». Эскиз декорации (1978 г.).

